

Г.Л. Нахрачева

Элементарные простые предложения хантыйского языка, формируемые деструктивными глаголами

Аннотация. В статье описывается теоретическая база исследования элементарного простого предложения, функционирование деструктивных глаголов в элементарном простом предложении (ЭПП). Семантическая структура данных предложений изучается в связи с их синтаксической структурой: выявляются ЭПП, описывается их структура и семантика. На материале хантыйского языка нами выделены основные модели ЭПП, формируемых глаголами деструкции:

- Модель состояния одушевленного субъекта;
- Модель состояния неодушевленного субъекта;
- Модель деятельности.

По типу пропозиции первые две относятся к статальным моделям, а последняя – к акциональным. В статальных моделях субъект-экспериментер пассивен, а в акциональных субъект-агент активен, действие осуществляется по его воле либо под его контролем.

Ключевые слова: модель предложения, семантика, деструктивные глаголы, элементарное простое предложение.

G.L. Nakhracheva

Elementary simple sentences of the Khanty language formed by destructive verbs

Summary. The article deals with the theoretical base of research of an elementary simple sentence, functioning of destructive verbs in the elementary simple sentence (ESS). The semantic structure of these sentences is studied in connection with their syntactic structure: elementary simple sentences formed by verbs with this semantics are revealed, their structure and semantics are described.

On the material of the Khanty language we identified following basic models of ESS formed by verbs of destruction:

- Model of animate subject condition;
- Model of inanimate subject condition;
- Model of activity.

By the type of proposition the first two relate to statal models, while the latter is to the active model. In statal models experiencer subject is passive, while in active models agent subject is active, the action is performed by his will or under his control.

Keywords: model of sentence, semantics, destructive verbs, elementary simple sentence.

К вопросу о моделировании структуры простого предложения в отечественном языкознании исследователи подходили по-разному, по-разному понимая структуру самого предложения.

Первые шаги в направлении моделирования русского простого предложения в 60-е годы были сделаны Т.П. Ломтевым. Он представлял предложение как двустороннюю единицу, имеющую план выражения

и план содержания. Он отмечает, что синтаксический объект простого предложения – двустороннее единство, “в котором одна сторона есть материальное воплощение явления – будем называть ее внешней, а другая – его назначение – будем называть ее внутренней”. Два предложения, извлеченные из речевой последовательности, являются одним предложением языка, если не имеют отличия ни с внешней, ни с внутрен-

ней стороны, т.е. если при наложении друг на друга совпадают [1, 140-141].

Т.П. Ломтев определяет модель предложения как «образец, по которому строится не одно данное предложение, а множество различных предложений». Модель предложений обладает отвлеченной формальной значимостью, в которой фиксируется общий характер отношений между предметами и общий характер ее структурных элементов [2, 68].

В конце 60-х годов Н.Ю. Шведова разработала свои «структурные схемы» русских простых предложений, в которых использовала символический способ представления выражающей стороны. Она ввела понятие минимальной схемы предложения. На этом основании в структурную схему не входят такие компоненты предложения, как все присловные распространители, реализующие синтаксические потенции слов, формы которых образуют предложение и являются компонентами схемы. В том числе не входят в схему и обязательные присловные предсказуемые распространители, без которого предложение не может быть минимальным сообщением, независимым от контекста. Таким образом, в структурную схему входит лишь предикативный минимум [3, 34].

Следующий шаг был сделан В.А. Белошапковой, которая представила расширенную схему предложения. В тюркологии в те же годы начались серьезные исследования простого предложения, основанные на понимании предложения как единицы языка, в противопоставление фактам речи.

Под моделью предложения исследователями понимается принадлежащий языковой системе «отвлеченный образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания предложения» [4, 438].

Г.А. Золотова также расширила понимание термина «структурная схема» [5, 6, 7, 8]. Автор выделяет отвлеченные образцы предложений, которые она называет «моделями» на основании того, что предложение, «осуществляя свое смысловое назначение, организуется не согласованием подлежащего и сказуемого, а сопряжением выраженных определенными синтаксическими формами слов значимых элементов, кото-

рые во многих случаях не совпадают с тем, что традиционно называют главными членами предложения» [9, 192].

В 1983 г. И.Х. Ахматовым было опубликовано первое большое структурно-семантическое исследование простого предложения, выполненное на материале современного карачаевско-балкарского языка, в основании которого лежит понимание предложения как синтаксической единицы языка, выражающая сторона которой неразрывно связана с содержательной [10].

М.И. Черемисина и Т.А. Колосова под моделью предложения понимают сложившиеся в сознании исследователя представления о том, как устроен изучаемый им объект – предложение. Реальные высказывания некоторого класса не только освобождаются от индивидуальной специфики, но и подвергаются упрощению, очищению от всех компонентов, которые не необходимы для того, чтобы обрисовать контур некоторой элементарной типовой ситуации [11, 3-9].

В конце 80-х годов к исследованию простого предложения в языках Сибири, ориентированному на модельное представление, приступила новосибирская синтаксическая школа, возглавляемая М.И. Черемисиной. Был предложен принципиально новый подход к моделированию основных единиц языка в работах М.И. Черемисиной, где модель предложения понимается как двусторонняя единица языка, планом выражения которой является структурная схема, планом содержания – пропозиция [12, 3-18].

На основании этого были изучены предложения хантыйского языка [13, 14], велось исследование мансийского [15, 16], ненецкого [17], чукотско-корякских [18] и тюркских (алтайского – Тыбыкова [19]; уйгурского – Абдуллаев [20]; шорского – Телякова [21]; тувинского – Серээдар [22]; хакасского – Чертыкова [23]) языков.

На материале марийского языка проведены исследования сложных предложений марийского литературного языка и структурных схем предложений Л.П. Васиковой [24].

Структурно-семантическое исследование мокшанского языка, проведено Ю. Юфкиным [25]. Автор изучает систему валентностей мокшанского глагола, с опорой

на которую проводит детальную классификацию элементарных предложений; в его списке моделей предложений 178 единиц. Однако из данной работы трудно уяснить, какое значение имеют субъектнообъектные отношения глагола-сказуемого для выделения моделей простого предложения.

Главные члены предложения (подлежащее и сказуемое) в обско-угорских языках, а затем семантику имени существительного, семантику падежа изучала Н.А. Лыскова [26, 27, 28].

Системы экспрессивных синтаксических конструкций марийского литературного языка исследованы Л.А. Абукаевой [29].

Результаты конкретных исследований моделей местонахождения, наличия / отсутствия и количества в тюркских языках Сибири обобщены в работе Н.Ч. Серээдар, Е.К. Скрибник и М.И. Черемисиной [30].

Синтаксис простого предложения южносибирских тюркских языков был рассмотрен в работе М.И. Черемисиной, А.А. Озоновой, А.Р. Тазрановой «Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири» [31]. В работе на материале трех тюркских языков Южной Сибири представлены основные принципы организации тюркского простого предложения. Основное внимание в данных языках уделено анализу общих и специфических явлений и закономерностей.

В одном из последних исследований по синтаксису хантыйского языка, в монографии В.Н. Соловар, рассматриваются элементарные простые предложения хантыйского языка в аспекте их парадигматики. Это первое системное описание ЭПП хантыйского языка и их моделей. Исследованы валентностные свойства хантыйского глагола, выявлены модели предложений, произведен анализ системных отношений между выявленными моделями ЭПП хантыйского языка, показана специфика хантыйского языка в выражении тех или иных отношений, ситуаций действительности [32].

Основной единицей синтаксиса М.И. Черемисина считает элементарное простое предложение, в состав которого вводятся предикат и его обязательные распространители. Модель простого предложения по-

нимается как двусторонняя единица языка, имеющая план выражения и план содержания. Планом содержания ЭПП является пропозиция – типовая обобщенная семантика предложения. План выражения ЭПП представлен структурной схемой, которая с помощью символов отображает возможный способ морфологического выражения каждого компонента модели.

Объектом исследования в данной главе являются основные элементарные простые предложения (ЭПП) хантыйского языка, описывающие деструктивные действия.

При выделении моделей элементарных простых предложений (ЭПП) хантыйского языка мы опираемся на теорию моделирования простого предложения, предложенную В.Н. Соловар.

Мы представим семантическую классификацию деструктивных глаголов и формируемые ими модели ЭПП.

Система акциональных моделей, формируемых глаголами деструкции

Акциональные модели выражают типовое значение деятельности, воздействия на объект. Субъектом данных моделей является агенс, т.е. активный деятель, лицо, производящее действие [32, 81]. К акциональным мы относим одноактантную модель деятельности и двухактантную с семантикой деструктивного воздействия на объект, а также их грамматические варианты.

Одноактантные модели деятельности $NNOM^{Ag} \leftrightarrow Vf_{subj}$

Эта одноактантная модель представлена на субъектом действия, деятельности или процесса, а также предикатом действия или состояния в широком смысле слова. Позицию субъекта занимает одушевленное имя, позицию предиката замещает глагол с семантикой действия, который употребляется только в субъектном спряжении.

Структурная схема $NNOM^{Ag} Vf_{subj}$ является общим планом выражения для построения моделей ЭПП хантыйского языка с различной семантикой: действия/деятельности, состояния, поведения и эмотивного отношения, восприятия, речевой деятельности и др. [32].

Модель действия/деятельности представлена одним семантическим вариантом: «Физическое действие или процесс». Сюда входят глаголы, представляющие действие

как занятие или умение: шур. *welpäslätī* ‘охотиться, добывать’, *ñöxrantī* ‘заниматься строганием (ножом)’, *woŋxantī* ‘заниматься обтёсыванием’, каз. *nölästī* ‘обрабатывать шкуру’, *xörsaštī* ‘заниматься сниманием шкуры’, например: шур. *Ma woŋxantsəm* ‘Я строгал’; *Asem woŋxantəl* ‘Отец строгаёт’; *Piräs imi xül welpäslījas*, *söx jöntäs* ‘Старушка рыбу добывала, одежду шьет’; *Piräs iki woj welpäsləl*, *wulilal šawijəl* ‘Старик охотится, заботится об оленях’; каз. *Йайәм вэҗнэсҗәл* ‘Брат=мой охотится’.

Двухактантные модели действия *NNOM^{Ag} NNOM^{Ob} V_{f subj/obj}*

Модель с типовым значением воздействия субъекта на объект «кто что делает»

Двухактантные модели ЭПП хантыйского языка включают обозначение субъекта активного действия и его объект.

В состав пропозиции этой модели входят следующие компоненты: агенс – лицо, которое осуществляет разрушение того или иного объекта; объект, обозначающий предмет или лицо, который подвергается воздействию со стороны агенса; предикат, обозначающий действие, которое производится агенсом по отношению к объекту-пациенсу. В этих моделях позицию субъекта замещают слова активной семантики, предполагающие, имеющие способность к действию. Это слова, обозначающие людей и указывающие на них: личные и указательные местоимения, нарицательные существительные с семантикой лица, термины родства (с лично-притяжательным оформлением), личные имена: *Aseł wülī pörtī wöj weläs* ‘Отец=его волка добыл’.

Все глаголы, замещающие позицию предиката в этой модели, употребляются в двух типах спряжения – субъектном и объектном. Значение предиката может зависеть от глагольных превербов и от суффиксов, которые, встраиваясь в глагол, изменяют семантику и структуру предложения.

В зависимости от семантики предиката мы выделяем несколько семантических и структурно-семантических вариантов этой модели: 1) семантический вариант со значением разрушения объекта; 2) семантический вариант со значением трансформации объекта; 3) структурно-семантический вариант с позицией инструмента.

Эту модель мы считаем базовой. Она формируется глаголами следующих групп:

ЛСГ глаголов со значением уничтожения объекта: *weltī* ‘убить’, *pawätī* ‘добыть’, *würattī* ‘уничтожить’, *pärattī* ‘уничтожить’, каз. *šawramtī* (эвфем.) ‘умертвить’, *çötaš wertī* ‘убить’ и др. Например:

Шур. *Lüw ar wülī welmal* ‘Он много оленей убил’; *Panne weläs* ‘Налима добыл’; *Panne ewätsällī*, *nik möllällī* ‘Налима нарезал, положил в котел варить’; *Möjarat telaŋ kürt lüw päratäs* ‘Сколько он стойбищ уничтожил’; каз. *ši çüjen imel lüw ši šawramsəle* ‘Этот мужчина жену=свою он и умертвил’; *In ojaŋ pun isa xül weltī ant pitäs* ‘Их удачливая ловушка совсем рыбу добывать не стала’ (в данном примере глагол *weltī* имеет значение «добывать», так как сочетается с объектом – рыба и с субъектом – ловушка);

Глагол *pawätī* имеет грамматический вариант *NNOM^{Ob} N LOCag V_{f pass}*, например: шур. *Ši woj asemən pawätsa* ‘Этого зверя отей добыл’ (букв.: уронил). Глагол *josa pawätī* ‘добыть, получить в свое распоряжение’ формирует грамматический вариант *N_{NOM}S N^{OB}_{NOM} {N_{DAT} V_{f subj/obj}}*. Позиция предиката представлена глаголом *pawätī* ‘уронить’ в субъектном и объектном спряжении в сочетании с именем *još* ‘рука’ в дательном-направительном падеже. Позицию субъекта занимает одушевленное имя существительное, позицию объекта – одушевленное или неодушевленное имя, например: шур. *Aseł ün sort joša pawätmal* ‘Отец=твой большую шкуру добыл=оказывается’. *Ampew lüw xäs änt welätsällī* ‘Собаку=нашу он чуть не убил’; *Pöxije nüwlat illī weləkəl* ‘Мальчик ветки (дерева) обрубают’; *Łepas weləkla* ‘Ветки хвойные обрубают’; *Ewijən söx ši tätəlla* ‘Девочка шкуру выделывают’; *Aŋkenən xülət häxəssajət* ‘Мама рыбы уже очистила от чешуи’.

Как отмечает В.Н. Соловар [32], разные ЛСВ некоторых глаголов бывают устойчиво связаны либо с объектным, либо с субъектным спряжением. Например, глагол *weltī* в субъектной форме означает ‘добыть’: шур. *Ma xül welsəm* ‘Я рыбу добыл’, а в объектной форме, с определенным дополнением (с притяжательным аффиксом) этот глагол означает ‘убить’: *Ma xülem welsem* ‘Я рыбу=мою убил’. Акциональные глаголы, направленные на изменение пред-

мета, в основном, употребляются в объектном спряжении.

2) ЛСГ глаголов со значением трансформации и разъединения объекта, частичной или полной: шур. *waństī* ‘разрезать, рассечь, вспороть’, *šūkattī* ‘ломать, разбить’; *sewərtī* ‘рубить’, *morittī* ‘ломать’, *ara māńšəti* ‘разорвать’, *ewəttī* ‘резать’, *nōx ewəttī* ‘отрезать’, *suxəttī* ‘выщипать, ощипывать от перьев, терebить, рвать’, *pelki seŋktī* ‘разбить’, *nōx losəttī* ‘разобрать’, *eyxəstī* ‘снять шкуру’, *ńāxəs-* ‘чистить (рыбу от чешуи), скоблить’, *xōrtī* ‘драть, ободрать, разделявать, снимать бересту, шкуру (зверя, рыбы)’, *xōpəttī* ‘отколоть’, *woŋxtī* ‘строгать’; каз. *ara luŋxittī* ‘разрубить’, *aja namrittī* ‘разрезать на мелкие части’, *šora jixrittī* ‘разрубить, распилить на две части’, *kātna kerittī* ‘распасться на две части’ и др., например:

Шур. *Šaškanem kātna wańšsem* ‘Материал на две части я разрезала’; *Jūx nūw morətəl* ‘Ветку он ломает’; *Ńarma wańšləm* ‘Строгаю полозья’; *Xot oməstī jōx soxəl wańšlət* ‘Строители доски пилят’; *Katra amparel nōx losətsel* ‘Старый амбар они разобрали’; *Wasi suxətlən, pūnlan xira pōnləllan* ‘Теребишь утку, пух в мешок собираешь’; *Sōx wańšləm* ‘Шкуру крою’; *Jūxem wańšlēm* ‘Полено раскалываю’; *Waj kepəl wańšlēm* ‘Крою шкуры лап для кисов’; *Tām sōxem leptamtlēm* ‘Эту шкуру сделаю мягкой’ (букв.: размягчу); *Ma xōjat an pelki seŋksəm* ‘Я чью-то чашку разбила’; *Ūŋx xōpətsəmən* ‘Смолю, серу откалывали’; *Tōnti xōrti jāŋxsəw. Jūx kar əl xōpətsəm* ‘Ходили бересту сдирать. Кору просто (без ножа) содрала’; *Jām ūŋx pūl xōpətsəm* ‘Хороший кусок смолы отколола’; *Sumət elti uš xōpətsəm, šaj saləŋ wertija* ‘От берёзы чагу отколол, чтобы сделать заварку’; *Nāŋ xotem šūkatsen* ‘Ты дом=мой сломал’; *Türem at ewte* ‘Не режь мое горло’; *Sapəl sewərtī tāxija tūwalən pa sapləl šura sewərmələn* ‘Отведите его на место, где рубят шею, и шею=его перерубите’; *Ja, xūlēm ńāxəslew* ‘Ну же, рыбу почистим’; *Xūlēm ńāxəslem* ‘Рыбу очищаю от чешуи’; *Łajəm ńāl woŋxəl* ‘Строгает ручку топора’; *Tām xūl jūx šup woŋxləm* ‘Это бревно из ели обтёсываю’; *Soxəl woŋxləm* ‘Доску обтёсываю’; *Jūx sewərłuw* ‘Дрова рубим’; *Mūŋ tōnti xōrləw* ‘Мы снимаем кору с березы’; *Łaŋki sōxəl xōrlem* ‘Снимаю шкуру белки’; *Xātləwn wūli xōritəsew* ‘На днях оленя

забивали’; каз. *Łūw wūšja lūjəl ewtəs* ‘Тогда он мизинец порезал’; каз. *Pōxem jūxləl ara luŋxittmal* ‘Сын=мой дрова разрубил’; каз. *Jajən jūxəl šura ši jixritələ* ‘Отец=твой бревно распиливает’.

Глагол *ńoxərtī* в субъектной форме с дополнением *walšam* означает ‘откалывать, настругивать’, например: *Jajem walšam ńoxərl* ‘Брат=мой строгаёт (откалывает от полена) лучинки’. Форма объектного спряжения резко меняет представление об отношении между действием и объектом: объект понимается уже не как результат действия, а как предмет, к которому прилагается действие для получения нового результата: *Jajem walšaməl ńoxərləlī* ‘Брат=мой лучинки раскалывает’ (на более тонкие).

ЛСГ глаголов нанесения удара: *seŋktī* ‘бить’, *xāt’səti* ‘ударить’, *weləktī* ‘освободить дерево от веток, обрубить сучья на дереве’, *kūtərtti* ‘ударить с размаху чем-нибудь’, *tūweməti* ‘вести удар, рассекать’; каз. *würsiitī* ‘стегать’, *seneməti* ‘дать щелчок’, *würitī* ‘бить очень сильно (до крови)’, *sārattī* ‘бодать’, например: *Lepas weləkəl* ‘Он обрубаёт ветки’; *Jūx weləkəl* ‘Дерево очищает от веток’; *Tām jūx weləkəsew* ‘У этого дерева ветки мы обрубили’; *Jajəm karti lūp ńāreməs, lōlmat jōšlat elti kāmətsa puš tūweməslī* ‘Брат=мой железное весло схватил, по ворованным рукам=его несколько раз ударил’;

ЛСГ глаголов со значением давления и трения, например: *lōxəttī* ‘точить’, *tatəlti* ‘разминать шкуру при разработке посредством трения между пальцами, смягчать, мять, для того чтобы можно было шить’, *ńōrəttī* ‘давить, с силой нажимать’, *pašərti* ‘выжимать, сдавливать, жать’, *jōtəlti* ‘скоблить (скребком шкуру), обработать сделать годным к употреблению’, *tātəlti* ‘мять’, *leptamttī* ‘сделать мягким’: *Łajəmləl, kešiləl som iti lōxətsəllī* ‘Топоры, ножи наточил до блеска (букв.: как чешуя рыбы)’; *Keplen jāma jōtəlti* ‘Камус хорошо скобли’; *Keplem tatəllem* ‘Шкуру мне (обрабатываю)’; *Molšəŋ ńōpərləw tatəlləm, lepət at ūs* ‘Шкуру дл малицы выделываю, чтобы мягкой была’.

Большинство физических действий естественно предполагает и включает в себя использование какого-либо орудия или средства действия. Глаголы деструктивного действия могут сочетаться не только

с двумя актантами – агенсом и объектом, но и с тремя, включая орудие действия [31, 136].

Структурно-семантический вариант модели с позицией инструмента

$N_{nom}^S N_{nom}^{ob} N_{loc}^{instr} V_{f obj}$
«кто что чем делает»

При необходимости указать на инструмент в модель $N_{NOM} Ag N_{NOM} Ob V_{f subj/obj}$ вводится актант N_{loc} , и она становится трехактантной $N_{NOM}^S N_{NOM}^{ob} N_{loc}^{instr} V_{f subj/obj}$ «кто что чем делает», например: *Ma tāxti kešijən ušilem* ‘Я шкуру ножом скоблю’; *Jūx kešijən nōxarlem* ‘Палку ножом строгаю’; *Ľajemən xot xār soxəl jāməs woŋxi* ‘Топором хорошо обтесывай доски для пола’; *Tām laŋki juxələn welsem* ‘Эту белку из лука убил’; *Xūl punen welset* ‘Рыбу сетью добывали’; *Sūwn welkoplən* ‘Хореем обрубаешь (ветку сухую)’.

В состав данной модели входят три актанта: субъект – одушевленное лицо; объект, который может быть выражен одушевленным предметом или неодушевленным; N^{instr} – актант орудийного типа. В позиции предиката функционируют несколько ЛСГ глаголов: а) глаголы физического воздействия: шур. *karaləti* ‘ковырять, копать’ б) глаголы разрушительного действия: шур. *wanšti* ‘порезать’, *xat’səti* ‘ударить’, *seŋkti* ‘бить’, *tuweməti* ‘ударить’ (букв.: нести быстро), *šošeməti* ‘облить’ (букв.: вылить быстро), *esəlti* ‘выстрелить’, *sewərməti* ‘рубануть’, *welti* ‘убить’, *šix perətti* ‘удушить (букв.: насмерть окрутить)’; каз. *wuršiti* ‘бить’ и др.

Такие предложения описывают различные ситуации, наиболее частотными из которых являются ситуации воздействия на объект с помощью какого-либо средства или орудия.

В состав этого структурно-семантического варианта входят предикат, субъект, объект и инструмент. Местно-творительного падежа требуют глаголы с семантикой разрушения, глаголы с семантикой удара, глаголы с семантикой разделения, например: *Asem ši iken jōšən xat’səslī* ‘Отец ударил мужчину=этого рукой’.

В позиции N_{loc}^{instr} в данном варианте модели появляется имя, называющее инструмент, с помощью которого совершается воздействие на объект.

В позиции инструмента употребляются имена в местно-творительном падеже, которые дополняют семантику предиката, они обозначают: орудие, предмет, материал, части тела человека, вещество.

Глаголы с данной семантикой предполагают использование какого-либо инструмента, в основном это:

а) нож: *Woj sōx xōri!* ‘Сними шкуру у оленя!’;

б) топор: *Lūw jūxlən wōšəmət* ‘Он снимает кору с деревьев’; *Lūw lepəs weləkəl* ‘Он обрубаёт ветки’; *Ma lajəmən uxəl pātəm wōlətləm* ‘Топором обтесываю полозья нарты’;

в) рубанок: *Lūw soxələl woŋxəl* ‘Он доски тесал’; *Lūw ši woŋxantəl* ‘Обтесывает доски’; *Mūŋ soxel wōlətlew* ‘Строгаем доски рубанком’;

г) напильник: *Ma kešem loxətlew* ‘Точу нож=своей’; *Lūw keši loxətsəli pa jūx šup nōxərti pitəs* ‘Нож наточил напильником и стал строгать полено’; *Asem lajəm loxətti omsəs* ‘Он сел точить топор’;

д) скребок для выделки шкур: *Ma keplem kartijen ušilem* ‘Камус железный скребком скоблю’;

Весьма значительную группу предложений с замещенной позицией N^{instr} составляют такие, в которых в позиции «орудия» выступают части тела человека (или животного). Воздействие квазиинструментом (т.е. воздействие не с помощью орудий человеческого труда, а мнимых инструментов, к которым мы относим части тела человека или животного):

е) руки человека: *tātəlti* ‘разминать кожу при разработке посредством трения между пальцами, смягчать, мять’, *pāšərtti* ‘давить’: *Imel taŋreməslī-pašərməslī, šepa ponsəllī* ‘Жену мял-сдавил, в карман положил’; *Pōxen molšəŋ sōxləl tātəlsajət* ‘У сына=твоего шкуры на малицу обработали (букв.: помяли)’; *Māšken jūreŋ, un māšekən tātli* ‘Кулак=твой сильный, большим размахом кулаков обрабатывай, выделяй’; *Jošn jūx kar nōx xōpeməslī* ‘Рукой отодрал кору дерева’; *Wasī suxətləm* ‘Утку ошпыиваю от перьев’;

ж) когтями, клювом, зубами: *Xoptan lit owəl āmpən mənšəm* ‘Рукав куртки собака разорвала’; *Nōxi āmpən uŋlijəm* ‘Мясо обглодано собаками’.

Статус актанта N^{instr} особый, специфичный. Принцип «экономии речевых средств» в хантыйском языке в некоторых специфичных глаголах предписывает не называть «привычное орудие», так как оно уже вписано в семантику самого глагола, например: *Molsaŋ sōxem jotlāslem* 'Шкуру (оленя) для малицы (скребком) скоблю'; *Tāxti jotlāslem* 'Шкуру (оленя) (скребком) скоблю'; *Soxəl pōritəl* 'Доску просверлил'; *Pōr ūs pōrətməs* 'Просверлил дыру'; *Łepas weləkəl* 'Он обрубаёт ветки'.

Фраза кошка исцарапала его когтями не только избыточна, но и нелепа, неправильна как по-русски, так и по-хантыйски (*Kūrŋəlam kätijən kunšsajjən* 'Ноги=мои исцарапаны кошкой') или на любом другом языке, где есть глагол царапать 'действовать когтями'.

Позиция инструментального актанта обычно остается незамещенной и проявляет себя в речи тогда, когда на неё нужно обратить внимание, когда орудие оказывается ситуативно значимым для говорящих, иногда обращает на себя внимание какими-то дополнительными характеристиками, например: *Nāñəl pāsti kešijən ewətlali* 'Хлеб острым ножом режет'; *Xüləm xū āj kemjəš wās šōxri wus, in kešijən il ewətməsli* (фолькл.) 'Маленький Кемьяш нож с узким лезвием взял, и этим ножом отрезал'; *Łuw kešijən pōtkəsa* 'Его ножом ударили'; *Imi xili ālti kešet lakemał, in Jalañ iki kūrtał-jōštəl, ōxtəl-elləl lakki sewertajət, lakki jōwallajət* 'Ими Хилы схватил нож, ноги-руки, голову-тело Ялань ики разрубил, разбросал'; *Sōxrelən imel mewəl elti loñsəpsəlli* 'Он проткнул ножом с узким лезвием грудь своей жены'; *Nāləŋ ōtən pāratəm* 'Ножом убили человека'; *Akajəm lajməl pāstija lōxətməl* 'Дядя топор остро наточил'.

В качестве средства или орудия могут выступать не только материальные предметы, естественные или полученные в результате производительной деятельности человека, а также более отвлеченные продукты умственной или другой деятельности производителя.

Грамматический вариант $N_{NOM}^{ob} N_{LOC}^{Ag} V_{fpass}$

В данном варианте модели в позиции N_{NOM}^{ob} находится имя, называющее объект воздействия – это одушевленное существо,

чаще человек, его части тела, явления природы, реже предмет. Предикат употребляется в страдательном залоге, но действие, производимое активным участником ситуации — человеком, животным, не воспринимается как пассивное, например: *Łujem kešijən wañssa* 'Палец=мой ножом порезан'.

Данная двухактантная модель является трансформом модели с прямым объектом: $N_{NOM}^{Ag} N_{NOM}^{Ob} V_{f subj/obj}$. В этом случае она описывает ситуации действительности, в которых участвуют те же самые предметные участники, но в результате изменения прагматической задачи действующее лицо – агенс должен быть выделен, поэтому он употребляется в местно-творительном падеже. N_{NOM}^{Ob} – пассивный участник ситуации, подверженный действию агенса, например: шур. *Kesem nawremət=ən, alpə, šukatsa* 'Нож=мой детьми, наверное, сломан', *Tām nūw poxen=ən mōritsa* 'Эта ветка сыном=твоим сломана', *Keplem apsem=ən tatəlla* 'Шкура (с лапы) сестренкой=нашей будет помята' (букв.: помнется).

Таким образом, система моделей хантыйского языка занимает особое место среди моделей ЭПП русского и тюркских языков Сибири, в силу структурных, семантических, грамматических особенностей глаголов, а также особенностей синтаксической сочетаемости слов.

В качестве предикатов модели $N_{NOM}^{Ag} N_{NOM}^{Ob} V_{f subj/obj}$ выступают около 300 глаголов механической деструкции, выражающих субъектные отношения. Их объединяет семантика процессуальности, которая конкретизируется в ЛСГ теми или иными семами. Системность в сфере ЛСГ глаголов проявляется в семантических отношениях между группами, составляющими одну микросистему.

В пропозициях моделей ЭПП выделяются следующие разновидности субъектов-актантов: экспериенцер, актант субъектного типа, лицо, носитель состояния; агенс – актант субъектного типа, лицо, активно осуществляющее ситуацию; сила – актант субъектного типа, стихия, артефакт, находящиеся в самопроизвольном процессе; объектив, или пациенс – актант субъектного типа, предмет, появившийся в результате осуществления действия.

Модели деструктивных глаголов и их

варианты, связанные определенными формальными и содержательными отношениями, представляют собою систему.

В хантыйском языке шурышкарского диалекта нами выявлены простые предложения, конституируемые деструктивными глаголами, которые могут быть одно-, двух-, трех-актантными. Мы выделили 2 акциональные модели, 2 семантических варианта, формируемых глаголами деструкции, они служат основой для формирования большого количества разнообразных вариантов моделей ЭПП с предикатами деструкции, являющихся зачастую индивидуальными для хантыйского языка.

Грамматическое варьирование модели зависит от различных средств выражения ее компонентов. Например, в ЭПП со структурной схемой $N_{NOM}^{Ag} N_{NOM}^{Ob} V_{f.subj/obj}$ позицию субъекта замещают слова активной семантики, предполагающие, имеющие способность к действию. Это слова, обозначающие людей и указывающие на них: личные и указательные местоимения, нарицательные существительные с семантикой лица, термины родства (с лично-притяжательным оформлением), личные имена; в позиции объекта-деструктива – предмет или лицо, который подвергается уничтожению или разрушению; предикат может быть выражен в двух типах спряжения – субъектном и объектном. Значение предиката может зависеть от глагольных превербов и от суффиксов, которые, встраиваясь в глагол, изменяют семантику и структуру предложения.

Под семантическими вариантами модели понимаются такие построения, которые могут иметь в своей составе семантические различия предиката и субъектного актанта, не влияющие на смысл предложения. Семантическое варьирование моделей проявляется в разных типах субъектных актантов (живое существо, артефакт) и различных

типах предикатов, обозначающих состояние и действие.

Таким образом, мы выявили, что система склонения шурышкарского диалекта хантыйского языка (три падежа) позволяет иметь небольшое количество ЭПП с предикатами деструкции, это способствует развитию большого количества семантических вариантов ЭПП с глаголами деструкции.

ЭПП, формируемые ГД допускают метафоризацию, перенос из физической сферы в социальную, психическую, интеллектуальную и эмоциональную. Например, в структурной схеме $N_{NOM}^{Ag} N_{NOM}^{Ob} V_{f.subj/obj}$ происходит переход из физической сферы: *Ma tontī xōrlem* ‘Я снимаю бересту с березы’; *Kutup jajəl nuxəs xōrəl* ‘Средний из братьев снимает шкуру с соболя’; в социальную: *Un xojatləw ox ponlat, jir xōrlat* ‘Мудрые люди молятся, приносят жертву’.

В заключении отметим своеобразную черту глаголов этой лексико-семантической группы. Многие деструктивные глаголы хантыйского языка, могут совмещать противоположные значения – «разрушать» и «создавать». Это так называемые «сложные глаголы» (по терминологии Э.В. Кузнецовой). Такие глаголы называют действие, при которых разрушение – неизбежный способ достигнуть какого-то созидательного результата. У деструктивных глаголов хантыйского языка значение созидания обнаруживается в том случае, когда они называют действия, приводящие к появлению новых предметов. Например, структурная схема $N_{NOM}^{Ag} N_{NOM}^{Ob} V_{f.subj/obj}$ представляет полисемию модели разрушительного действия и модели созидательного действия: *Antap kel oləŋläl işi kūrāŋ wōj oŋət eltī nōxərmal* ‘Ручку для люльки (колыбели) тоже из лосиных рогов выстрогал’; *Ma jaləp jernas wañsəstem* ‘Я новое платье крою’, *Aŋkem xūl šōmältəl* ‘Мама рыбу надрезает (делает *šuməx*)’.

Литература

1. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание / Т.П. Ломтев. М., 1976. 596 с.
2. Ломтев Т.П. Принципы построения формулы предложения // Научные доклады высшей школы, Филологические науки / Т.П. Ломтев. – 1969. – № 5. – С. 56 – 68.
3. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970. 768 с.
4. Белошапкина В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения / В.А. Белошапкина // Вестник МГУ. 1981. – № 2. – С. 46 – 51.

5. Золотова Г.А. О роли семантики в актуальном членении предложения / Г.А. Золотова // *Виноградовские чтения. Русский язык в его истории и современном состоянии*. М., 1978. С. 28-33.
6. Золотова Г.А. О структуре некоторых типов русских предложений со значением восприятия / Г.А. Золотова // *Cahiers de Linguistique Slave*. Vol. V. Grenoble, 1979. С. 13-23.
7. Золотова Г.А. О субъекте предложения в современном русском языке / Г.А. Золотова // *Филологические науки*. – 1981. – № 1. – С. 33 – 42.
8. Золотова Г.А. К построению функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова // *Тезисы докладов Всесоюзной конференции по функциональной грамматике*. – 1983. – С. 87-93
9. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса / Г.А. Золотова. М., 1973. 351 с.
10. Ахматов И.Х. Структурно-семантические модели простого предложения в карачево-балкарском языке / И.Х. Ахматов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 358 с.
11. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения / М.И. Черемисина. Новосибирск, 1987. 197 с.
12. Черемисина М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложений / М.И. Черемисина // *Предложение в языках Сибири*. Новосибирск, 1989. С. 3 – 18.
13. Черемисина М.И., Соловар В.Н. Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем / М.И. Черемисина // *Языки Сибири. Грамматические исследования*. Новосибирск: Наука, 1991. С. 66 – 84.
14. Соловар В.Н. Структурно-семантические типы простых предложений казымского диалекта хантыйского языка: автореф. дис. канд. филол. наук / В.Н. Соловар // Новосибирск, 1991. 16 с.
15. Скрибник Е.К. К описанию системы моделей простого предложения в мансийском языке (предложения с именным сказуемым) / Е.К. Скрибник // *Системность на разных уровнях языка (на материале языков Сибири)*. Новосибирск, 1990. С. 95 – 125.
16. Якушко Г.Т. Модели простого предложения с глагольным сказуемым (на материале мансийского языка): автореф. дис. канд. филол. наук / Г. Т. Якушко. Новосибирск, 1997. 20 с.
17. Шилова В.В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке / В.В. Шилова // Новосибирск: НГУ, 2003. 184 с.
18. Мальцева А.А. Динамика языкового развития и социальный статус языка (на материале чукотско-корякских языков): избранные материалы международной конференции «XXVI ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» / А.А. Мальцева // *Вестник Томского гос. университета*. Вып. № 1. 2012. – С. 64 – 69.
19. Тыбикова А.Т. Исследование по синтаксису алтайского языка: Простое предложение / А.Т. Тыбикова. Новосибирск, 1991. 225 с.
20. Абдуллаев С.Н. Структурно-семантические модели простого предложения в современном уйгуртском языке / С.Н. Абдуллаев. Каракол: Изд-во Иссык-Кульского гос. пед. ун-та, 1992. 98 с.
21. Телякова В.М. Простое предложение в шорском языке: (В сопоставлении с русским): автореф. дис. канд. филол. наук / В.М. Телякова. Новосибирск, 1994. 28 с.
22. Серээдер Н.Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Н.Ч. Серээдер. Новосибирск, 1995. 21 с.
23. Чертыкова М.Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект): дис. канд. филол. наук / М.Д. Чертыкова. Новосибирск, 1996. 209 с.
24. Васикова Л.П. Сложные предложения в современном марийском литературном языке: Структурные схемы предложений. Сложносочиненные предложения / Л.П. Васикова. Йошкар-Ола: Мар.кн. изд-во, 1982. 371 с.
25. Юфкин Ю.С. Модели простого повествовательного глагольного предложения в мокшанском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Ю.С. Юфкин. Тарту, 1985. 212 с.
26. Лыскова Н.А. Подлежащее и сказуемое в хантыйском и мансийском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Н.А. Лыскова. Тарту, 1988. 18 с.
27. Лыскова Н.А. Семантический аспект синтаксиса имени существительного в обско-угорских языках / Н.А. Лыскова. / СПб: Образование, 1996. 97 с.
28. Лыскова Н.А. Семантика падежа в обско-угорских языках / Н.А. Лыскова. СПб., 2003. 248 с.
29. Абукаева Л.А. Экспрессивные синтаксические конструкции в марийском языке: автореф. дис. докт. филол. наук / Л.А. Абукаева. Йошкар-Ола, 2005. 320 с.
30. Серээдар Н.Ч., Черемисина М.И., Скрибник Е.К. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири / Н.Ч. Серээдар, М.И. Черемисина, Е.К. Скрибник. Новосибирск, 1996. 359 с.
31. Черемисина М.И., Озонава А.А., Тазранова А.Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири / М.И. Черемисина, А.А. Озонава, А.Р. Тазранова. Новосибирск: изд-во «Любава», 2008. 205 с.
32. Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диа-

лекта) / В.Н. Соловар. Новосибирск, 2009. 264 с.

References

1. Lomtev T.P. Obshee i russkoe yazykoznanie / T.P. Lomtev. M., 1976. 596 с.
2. Lomtev T.P. Printsipy postroeniya formuly predlozheniya // Nauchnye doklady vysshey shkoly, Filologicheskije nauki / T.P. Lomtev. – 1969. – № 5. – S. 56 – 68.
3. Grammatika sovremennoy russkoy literaturnoy yazyka / Pod red. N.Yu. Shvedovoy. M., 1970. 768 s.
4. Beloshapkova V.A., Shmeleva T.V. Derivatsionnaya paradigma predlozheniya / V.A. Beloshapkova // Vestnik MGU. 1981. – № 2. – S. 46 – 51.
5. Zolotova G.A. O roli semantiki v aktual'nom chlenenii predlozheniya / G.A. Zolotova // Vinogradovskie chteniya. Russkiy yazyk v ego istorii i sovremennom sostoyanii. M., 1978. S. 28-33.
6. Zolotova G.A. O strukture nekotorykh tipov russkikh predlozheniy so znacheniem vospriyatiya / G.A. Zolotova // Cahiers de Linguistique Slave. Vol. V. Grenoble, 1979. S. 13-23.
7. Zolotova G.A. O sub'ekte predlozheniya v sovremennom russkom yazyke / G.A. Zolotova // Filologicheskie nauki. – 1981. – № 1. – S. 33 – 42.
8. Zolotova G.A. K postroeniyu funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka / G.A. Zolotova // Tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii po funktsional'noy grammatike. – 1983. – С. 87-93
9. Zolotova G.A. Oчерk funktsional'nogo sintaksisa / G.A. Zolotova. M., 1973. 351 s.
10. Akhmatov I.Kh. Strukturno-semanticheskie modeli prostogo predlozheniya v karachevo-balkarskom yazyke / I.Kh. Akhmatov. Nal'chik: El'brus, 1983. 358 s.
11. Cheremisina M.I., Kolosova T.A. Oчерki po teorii slozhnogo predlozheniya / M.I. Cheremisina. Novosibirsk, 1987. 197 s.
12. Cheremisina M.I. O teoreticheskikh voprosakh model'nogo opisaniya predlozheniy / M.I. Cheremisina // Predlozhenie v yazykakh Sibiri. Novosibirsk, 1989. S. 3 – 18.
13. Cheremisina M.I., Solovar V.N. Zalogovost', perekhodnost', pryamoy ob'ekt v yazykakh raznykh sistem / M.I. Cheremisina // Yazyki Sibiri. Grammaticheskie issledovaniya. Novosibirsk: Nauka, 1991. S. 66 – 84.
14. Solovar V.N. Strukturno-semanticheskie typy prostykh predlozheniy kazym'skogo dialekta khantyyskogo yazyka: avtoref. dis. kand. filol. nauk / V.N. Solovar // Novosibirsk, 1991. 16 s.
15. Skribnik E.K. K opisaniyu sistemy modeley prostogo predlozheniya v mansiyskom yazyke (predlozheniya s imennym skazuemym) / E.K. Skribnik // Sistemnost' na raznykh urovnyakh yazyka (na materiale yazykov Sibiri). Novosibirsk, 1990. S. 95 – 125.
16. Yakushko G.T. Modeli prostogo predlozheniya s glagol'nym skazuemym (na materiale mansiyskogo yazyka): avtoref. dis. kand. filol. nauk / G. T. Yakushko. Novosibirsk, 1997. 20 s.
17. Shilova V.V. Prostranstvennye modeli elementarnykh prostykh predlozheniy v nenetskom yazyke / V.V. Shilova // Novosibirsk: NGU, 2003. 184 s.
18. Mal'tseva A.A. Dinamika yazykovogo razvitiya i sotsial'nyy status yazyka (na materiale chukotsko-koryak'skikh yazykov): izbrannye materialy mezhdunarodnoy konferentsii «XXVI DUL' ZONOVSKIE CHTENIYA» / A.A. Mal'tseva // Vestnik Tomskogo gos. universiteta. Vyp. № 1. 2012. – S. 64 – 69.
19. Tybikova A.T. Issledovanie po sintaksisu altayskogo yazyka: Prostoe predlozhenie / A.T. Tybikova. Novosibirsk, 1991. 225 s.
20. Abdullaev S.N. Strukturno-semanticheskie modeli prostogo predlozheniya v sovremennom uygurtskom yazyke / S.N. Abdullaev. Karakol: Izd-vo Issyk-Kul'skogo gos.ped. un-ta, 1992. 98 s.
21. Telyakova V.M. Prostoe predlozhenie v shorskom yazyke: (V sopostavlenii s russkim): avtoref. dis. kand. filol. nauk / V.M. Telyakova. Novosibirsk, 1994. 28 s.
22. Sereeder N.Ch. Osnovnye typy predlozheniy s imennym skazuemym v tuvinskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk / N.Ch. Sereeder. Novosibirsk, 1995. 21 s.
23. Chertykova M.D. Glagoly govoreniya v khakasskom yazyke (sistemno-semanticheskiy aspekt): dis. kand. filol. nauk / M.D. Chertykova. Novosibirsk, 1996. 209 s.
24. Vasikova L.P. Slozhnye predlozheniya v sovremennom mariyskom literaturnom yazyke: Strukturnye skhemy predlozheniy. Slozhnosochinennye predlozheniya / L.P. Vasikova. Yoshkar-Ola: Mar.kn. izd-vo, 1982. 371 s.
25. Yufkin Yu.S. Modeli prostogo povestvovatel'nogo glagol'nogo predlozheniya v mokshanskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk / Yu.S. Yufkin. Tartu, 1985. 212 s.
26. Lyskova N.A. Podlezhashchee i skazuemoe v khantyyskom i mansiyskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk / N.A. Lyskova. Tartu, 1988. 18 s.
27. Lyskova N.A. Semanticheskiy aspekt sintaksisa imeni sushchestvitel'nogo v obsko-ugorskikh yazykakh / N.A. Lyskova. / SPb: Obrazovanie, 1996. 97 s.
28. Lyskova N.A. Semantika padezha v obsko-ugorskikh yazykakh / N.A. Lyskova. SPb., 2003. 248 s.

29. Abukaeva L.A. Ekspressivnye sintaksicheskie konstruksii v mariyskom yazyke: avtoref. dis. dokt. filol. nauk / L.A. Abukaeva. Yoshkar-Ola, 2005. 320 s.
30. Sreedar N.Ch., Cheremisina M.I., Skribnik E.K. Strukturno-semanticheskaya organizatsiya predlozheniy nalichiya, lokalizatsii, kolichstva i otsutstviya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri / N.Ch. Sreedar, M.I. Cheremisina, E.K. Skribnik. Novosibirsk, 1996. 359 s.
31. Cheremisina M.I., Ozonova A.A., Tazranova A.R. Elementarnoe prostoe predlozhenii s glagol'nyim skazuemym v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri / M.I. Cheremisina, A.A. Ozonova, A.R. Tazranova. Novosibirsk: izd-vo «Lyubava», 2008. 205 s.
32. Solovar V.N. Paradigma prostogo predlozheniya v khantyyskom yazyke (na materiale kazymyskogo dialekta) / V.N. Solovar. Novosibirsk, 2009. 264 s.